

УДК 398.8; 398.82; 398.83; 398.86; 398.87

ББК 82; 82.3

Песенная культура монгольских хори-бурят: преемственность традиции

Бадма-Ханда Бадмадоржиевна Цыбикова

(Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН:
Российская Федерация, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, д. 6)

Аннотация. На основе сопоставительного анализа вербальной составляющей песенного наследия хори-бурят России и Монголии в статье предпринята попытка с применением структурно-типологического описания обобщить и представить характер устойчивости песенной локальной традиции переселенцев в Монголию. Определение общих истоков и преемственности традиции хори-бурятского песенного фольклора представляется актуальным для установления общепурятских структурообразующих его элементов. Также актуально выявление ключевых мотивов, выраженных в образной и символически насыщенной форме текстов песен, отражающих менталитет народа, его историю, верования и культуру. Словесный компонент народной песни связан, безусловно, с фольклорной традицией, для которой характерна устная природа передачи социальной и духовной информации с соответствующими способами варьирования, оставляющими простор импровизации. Содержательная структура текста включает элементы, которые определяют смысловую организацию произведения: композицию, тему, идею. Исходя из семантического содержания народной песни, в исследовании проведена собственная классификация песенной поэзии монгольских хори-бурят, что составляет его новизну. Не отрицая того факта, что песня является синтетическим произведением, включающим в себя музыку и слово, в статье не затрагиваются такие важные аспекты народного песенного творчества, как мелодический строй, ритмическая организация, музыкальный стиль и др. Резюмирующий вывод состоит в том, что песенный фонд представляет собой общую культурную составляющую фольклорного наследия бурят России и Монголии.

Ключевые слова: песенный фольклор монгольских хори-бурят, смысловое наполнение народных песен, устойчивость традиции.

Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект «Россия, Монголия и Китай: исторический опыт трансграничного взаимодействия, экономические приоритеты и социокультурные коммуникации», № 125091010220-3).

Дата поступления статьи: 16 сентября 2025 г.

Дата публикации: 25 декабря 2025 г.

Для цитирования: Цыбикова Б.-Х. Б. Песенная культура монгольских хори-бурят: преемственность традиции // Традиционная культура. 2025. Т. 26. № 4. С. 99–110.

DOI: <https://doi.org/10.26158/TK.2025.26.4.008>

Исторические события XX в. привели к тому, что диаспоральные группы бурят живут в Монголии и Китае. Они образовались в результате нескольких этапов перекочевок бурятских родов и семей, вызванных потрясениями Гражданской войны и глобальными переломами после нее в России. Бурятское население Монголии формировалось постепенно, в результате нескольких волн беженства большей частью хори-бурят из Агинских степей Забайкальского края, Еравны, Кижинги, а также представителей других субэтнических групп бурят из приграничных южных (Закаменского, Тункинского, Селенгинского) районов. И переселенцы оседали на северо-восточных землях Внешней Монголии, граничащих с Россией. «По данным переписи 2010 г., бурятами себя назвали 48 450 человек, что составляет 1,7 % от численности населения Монголии, которое было равно 2 805 825 человек. До сих пор не существует однозначной оценки численности бурят в Монголии в современное время. Разные источники указывают разные цифры, что обусловлено сокрытием своего этнического происхождения по разным причинам, из которых наиболее сильной является историческая память о годах репрессий» [Бурятский язык 2020, 72].

Материалом исследования послужили хранящиеся в Общем архивном фонде Центра восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН (далее — ИМБТ) тексты народных песен, записанные фольклористами Бурятского института общественных наук Сибирского отделения РАН (далее — БИОН) в период экспедиции в сомонах Монгольской Народной Республики, где проживают в основном потомки агинских, хоринских, еравнинских бурят: с 19 сентября по 19 октября 1977 г. было записано свыше 100 песен, с 7 сентября по 7 октября 1983 г. — свыше 60 песен. Важным источником явились два сборника традиционных песен хори-бурят, изданные в Улан-Баторе, которые подготовили Ш. Ж. Бадамдаш [Бадамдаш 1998] (152 с.) и Х. Ш. Г. Батцэрэн [Батцэрэн 2020] (200 с.). Для сравнительного анализа и выявления

преимущества традиции песенной культуры использованы тексты песен хори-бурят, изданные крупным исследователем музыкально-песенного творчества бурят Д.-Н. С. Дугаровым [Дугаров 1964] (443 с.).

Неоднозначно решается вопрос классификации бурятской народной песни, в том числе песен хори-бурят, из-за отсутствия единых критериев систематизации. Эта задача осложняется еще и тематическим разнообразием песенного фольклора, связанного с его полифункциональностью в традиционной культуре. В народных песнях нашли отражение человеческие переживания, отдельные аспекты этнической истории, быта; воплощен «огромный самобытный мир чувств народа, в них ощущается величие и трепетность образов, высвечиваются вершины подлинно художественного творчества» [Кульганек 2001, 9]. Исходя из имеющегося материала, каждый исследователь народно-музыкального творчества предлагает свою классификацию традиционных песен. Так, Д.-Н. С. Дугаров, располагая обширнейшими полевыми записями и большой коллекцией песенного репертуара хоринских бурят, выделяет следующие жанры:

1. Улигерные напевы 2 видов: а) напевно-речитативное исполнение улигера; б) маленькие; напевно исполняемые улигерные отрывки, т. е. *туурээлгэ*.
2. Заклинание овцы — *тээгэ*.
3. Прославление победителя — коня, борца, меткого стрелка из лука на соответствующих состязаниях — *соло дуудалга*.
4. Древний хори-бурятский хоровод — *нэръезн*.
5. Песни кольца — *бэлхэлигэй дуун*.
6. Обрядовые песни.
7. Обычные песни — *домогу дуун*.
8. Современные хороводные (ёхорные) песни.
9. Советские колхозные песни.
10. Современные песни городского типа [Дугаров 1964, 10].

Н. О. Шаракшинова дифференцирует бурятские народные песни на обрядовые (календарно-обрядовые и семейно-обрядовые) и необрядовые [Шаракшинова 1973, 20]. По практическому назначению

и условиям исполнения их условно можно разделить, как считает С. С. Бардаханова, на следующие группы: «обрядовые, игровые, хороводные (ёхорные), застольные, колыбельные» [Бардаханова 1992, 147].

Предпринятый О. Ш. Дарижаповой искусствоведческий анализ песенного народного творчества хори-бурят России, Монголии и Китая основан на делении народной песни, вслед за Н. О. Шаракиной, на обрядовую и необрядовую [Дарижапова 2011, 16]. Каждый из этих разделов, в свою очередь, делится на подгруппы: к первой относятся культовые песни-прославления (*магтаалнууд*, *соло дуудалга*, *бара*), календарно-производственные песни (песни заклинивания овцы *тээгэ*), семейно-бытовые песни (свадебные песни *турэ хуримай дуунууд*, песни бараньего крестца *уусын дуунууд*; древние хороводные песни *нэрвээнэй дуунууд*). К необрядовым песням причислены эпические *ульгэрэй дуунууд*, исторические *түүхын дуунууд*, бытовые *юрын дуунууд*, лирические *уянгын дуунууд*, песни кольца *бэлэлигэй дуунууд* [Дарижапова 2011, 17].

Г. Батцэрэн, составитель сборника наиболее популярных и исполняемых в среде хори-бурят Монголии песен, выделяет следующие виды народной песни: легендарно-исторические (*урдаанай түүхэ домогой дуун*), религиозные (*шажан бурханай дуун*), философские (*гүн ухааны дуун*), революционные (*хувьсгалын дуун*), грустные (*гунгай дуун*), свадебные (*турэ найрай дуун*), лирические (*утга уянгын дуун*), шуточно-сатирические (*шог хошин дуун*), любовные (*хайр сэтгэлийн дуун*), современные народные (*орчин цагийн ардын дуун*) [Батцэрэн 2020, 3–4].

Крупный знаток народной песенной поэзии халха-монголов П. Хорло выявляет пять ее разновидностей: бытовые, песни о любви, сатирические, философско-дидактические и величальные [Хорло 1989, 55], в тематике которых есть много общего с бурятскими традиционными песнями.

Рассмотрев и проанализировав смысловое наполнение и содержательную суть песен, записанных в бурятских сомонах монгольской экспедицией сотрудников

БИОНа, а также текстов песен монгольских хори-бурят из двух сборников, изданных в Улан-Баторе, нами выделены основные мотивы, наиболее типичные для песенной поэзии монгольских хори-бурят. Итак, наиболее распространенными являются песни, в которых преобладают мотивы:

- характеризующие социокультурные аспекты человеческого бытия, в том числе существенные моменты из общей этнической истории и повседневного быта;

- описывающие факты частной жизни, индивидуально-личностные переживания и эмоции;

- приуроченные к свадебному обряду и связанному с ним празднично-игровым ритуалам;

- содержащие религиозную тематику буддийской направленности.

На этом основании мы посчитали возможным выделить три доминирующие группы песен монгольских хори-бурят: лирические, обрядовые, религиозные. Предложенное тематическое разграничение не противоречит общей систематике песенной лирики хори-бурят, предпринятой предшествующими исследователями, характеризующейся слишком дробным делением, при котором смешиваются разные принципы: по времени возникновения, функциональным особенностям, характеру/манере исполнения, тематике и т. д.

Об устойчивости бытования той или иной песни и у тех, и у других хори-бурят можно судить по сохранившейся традиции ее исполнения в раннее время и в наши дни. Самыми распространенными песнями хори-бурят, сохранившимися в репертуаре и российских, и монгольских исполнителей, считаются «Алтаргана» (Карагана карликовая), «Занданхан бүрээтэй ташуур» (Кнут с сандаловым кнутовищем), «Наян Наваа / Заян Наваа», «Хууяа шэлэ» (Горный хребет Хуяа), «Хинган голой булжуухай» (Птичка с долины Хинган). Популярность и устойчивость этих песен в песенной традиции объясняется заложенной в них смысловой нагрузкой: «Песня — итог жизни народа, результат отбора многими поколениями всего типического, закрепления близкого

и понятного для него» [Кульганек 2001, 38]. Так, воспетое в «Алтаргане» неприхотливое растение карагана карликовая, растущее на сравнительно тяжелых каменных почвах, отличается стойкостью к засухе и другим суровым климатическим влияниям, потому стало символом этнического фестиваля с одноименным названием, в котором заложен смысл нестигаемости бурят-кочевников, вынужденных жить в условиях дисперсного проживания в разных регионах.

Что касается популярной у бурят Монголии песни «Занданхан бүрээтэй ташуур» (Кнут с сандаловым кнутовищем), по мнению Л. С. Дампиловой, «тема расставания и встречи» в исполнении хори-бурят, проживающих не на исторической родине, «приобретает обобщенное философское значение, в данном случае разлука с близкими людьми выражена в трагических тонах», в то время как российскими бурятами она не акцентируется и «мажорное восприятие создается уверенностью в скорой встрече влюбленных» [Базаров, Дампилова, Цыбикова 2010, 9]. Подобные мотивы тоски по местам исхода характерны для широко известных и в Бурятии, и в Аге и исполняющихся монгольскими хори-бурятами народных песнях, таких как «Ганга мурэнэй гургалдай» (Жаворонок с реки Ганг), «Хадын оройгоор харахадам» (Когда всматриваюсь через горную вершину) и др.

Песня «Хууяа шэлэ» (Горный хребет Хуяа) повествует о трагическом случае, когда один из охотившихся двух братьев ошибочно принял другого, сидевшего спиной с накинутой шкурой зверя, за добычу, и выстрелил в него. Эта песня, полная чувств сожаления и горечи, не выходит из репертуара нескольких поколений хори-бурят по ту и эту сторону границы.

В песне о Наян Нава / Заян Нава выдвигается предположение: родина моя, возможно, находится там, где прекрасный край Заян Нава / Наян Нава. И она была создана, по одной из широко бытующей среди хоринских бурят легенд, после возвращения их из некой земли обетованной. Однако существовала ли на

самом деле эта территория и где она, объективного ответа не существует.

По некоторым версиям старинная песня «Хинган голой булжуухай» (Птичка с долины Хинган) «была посвящена событиям, связанным с историей известной героини Бальжан хатан, когда она со своим народом переехала во владения своего мужа <...> Когда они уходили в долину Хинган через одноименный перевал, их догнали и перебили. Возможно, здесь ассоциативно возникает образ запутавшейся в силках птицы и оказавшихся в подобном положении людей» [Базаров, Дампилова, Цыбикова 2010, 8]. В целом имя воспетой в легендах и преданиях хори-бурят неординарной женщины Бальжан хатан, проявившей ум, твердость характера и убежденность в отстаивании интересов своего народа, является фигурой-символом этнической идентичности и зарубежных, и российских хори-бурят.

Таким образом, вышерассмотренные народные песни, исполняющиеся лирически спокойно, в то же время с глубоким эмоциональным чувством, богато насыщенные восходящими и нисходящими мелизмами, объединены общими элементами, свидетельствующими о едином этническом корне, что обеспечило преемственность песенной традиции.

Основное место в репертуаре народных песен монгольских хори-бурят, привезенных с исторической родины, занимают обрядовые песни. Одна из них — свадебная песня-наказ *уусын дуун*. На свадьбе можно петь любые песни, вместе с тем только на девичнике исполняют *уусын дуу* (песню крестца), когда ставят именное мясо — *ууса* (крестец) — для девушки, которую выдают замуж. По одним сведениям, ее в давние времена исполняли два парня, по другим — существовала традиция приглашения певца — специального человека, который знал множество куплетов этой песни (10 и более). Смысл подобного рода песен заключается в обращении к выдаваемой в чужую семью дочери, чтобы она соблюдала нравственные заповеди предков, не забывала поклоняться божествам, которые почитаются родителями, проявлять

почтение и уважение не только к мужу, но и к его отцу и матери, не перечить им, не проявлять грубость, вплоть до напояминания, что она должна вставать рано, ложиться поздно и т. д. На протяжении веков музыкальное звучание этой обрядовой песни-пожелания и напутствия невесте сохраняет устойчивость, являясь общим для всех групп хоринских бурят. Российскими бурятами эта форма песенной традиции практически забыта и встречается лишь сокращенный вариант исполнения, в то время как у монгольских хори-бурят она не утрачена.

К обрядовым песням исследователи хори-бурятской песенной традиции относят *нэрългын/нэръэнэй/нэргилгын дуу* (песни, исполняемые при круговом хороводе). Д.-Н. С. Дугаров о манере их исполнения отмечает: российскими хори-бурятами «*нэръэн* исполнялся в следующем порядке. Участники хоровода, разделившись на две группы, становились в два ряда против друг друга лицом к лицу, и, взявшись руками за спину, становились плотно плечом к плечу и пели песни хоровода, покачиваясь на одном месте» [Дугаров 1964, 14].

Как можно заключить из опросов монгольских хори-бурят, основная функциональная их направленность в давние времена заключалась в призывании выпадения осадков при совершении обряда поклонения хозяевам местности (*обоо*). По истечении длительного времени эта практическая их роль, по-видимому, стала забываться, и *нэръэнэй дуунууд* стали исполняться хором группой людей возле костра, которые встают полукругом, взявшись за руки, и поют, медленно покачиваясь в обе стороны (Зап. от Гатабай Шожода, 78 лет, рода хуасай, урож. сомона Дашабалбар, Дорнодский аймак, Монголия. Соб. Е. В. Баранникова. 1977 г.) [ОАФ ЦВРК ИМБТ. Инв. № 2295/1]. Об обрядовом характере исполнения этого типа песен, подчеркивая их архаичность, пишет и С. С. Бардаханова: они «сопровождали обряды, совершаемые на месте удара молнии. В народе они известны как *нэръээрй дуун*» [Бардаханова 1992, 147].

Буряты, проживающие во Внутренней Монголии Китая, *нэрългын дуу* поют на свадебном пиршестве все хором, выйдя на улицу, взявшись за руки, ведя хоровод вокруг костра. И значение слова *нэрългэ/нэръэн* поясняют следующим образом: «Мы поем так, что вокруг стоит грохот, такой имеет смысл. Прохочем так, что вокруг раздается гул, такое значение. Ноги не двигаются, они раскачиваются из стороны в сторону, как волны. Поют, стоя на ногах (*Юумэнэй нэръетэр дуулнабди гэхэн удхатай. Суурья гаргатар нэръенэбди гэжэ. Хулын хүдэлдэггүйл даа, нэгэ тээшээ долдилхон шэнги найгаха. Байгаад, зогсоод дуулана*)» [Цыбикова 2016, 12]. Эта информация шэнэхэнских носителей традиции согласуется с мнением Д.-Н. С. Дугарова: «Нэръехэ — в буквальном переводе означает “поднимать шум, греметь”. Возможно, название “нэръэн” происходит от слова “нэръехэ” в смысле “веселиться”» [Дугаров 1964, 13].

Относительно характера исполнения песен этого цикла есть и другое мнение: как пишет Г. Батцэрэн, *нэръэнэй дуун* сопровождается активными, экспрессивными действиями, исполняемыми группой певцов [Батцэрэн 2020, 10], что, как мы полагаем, было характерно для ранних форм ее исполнения. Так, хороводные песни, изначально сопровождавшие обряды поклонения верхним божествам, трансформировались позже в традиционные танцевально-песенные варианты, исполняемые на свадьбе и групповых сборищах молодежи. И, несмотря на изменение характера, манеры пения и повода применения, исполнение *нэрългын дуун* является существовавшей ранее единой традицией хори-бурят и России, и Монголии, и Китая.

К игровым песням, общим и популярным раньше у хори-бурят всех трех ветвей расселения, относятся песни кольца *бэхэлгэй дуун*, бытовавшие исключительно в данной родоплеменной группе бурят. Суть игры заключается в том, что участники, разбившись на две группы и сев друг против друга, должны угадать, у кого спрятано кольцо. Один из игроков вкладывает его в ладони кого-то из тех, кто составляет

команду противной стороны. И он просит, чтобы игроки потребовали вернуть золотое кольцо: *алтан бэһэлигээ эриитэ гээд дуулалдаха, альганһаа гарни шархирна гэхэ* [ОАФ ЦВРК ИМБТ. Инв. № 2344/6]. Сторона, не угадавшая, в чьих ладонях кольцо, должна исполнить песню. Если будет правильно опознан владелец кольца, то песню надо будет спеть группе, из числа которой игрок прятал кольцо. Игра, начавшаяся вечером, могла затянуться до утра, пока не иссякал репертуар песен одной из противоборствующих команд, которую и признавали побежденной.

Что касается исполнения хори-бурятами *ёхора* (хороводных песен, сопровождающихся различными телодвижениями и экспрессивного, и медленного темпа, их музыковеды называют словесно-музыкально-кинетическими), исследователи бурятского песенного фольклора отмечают его заимствованный характер. Этот вид песнопения был активно подхвачен молодежью восточных бурят из репертуара иркутских бурят, проживающих на западной стороне Байкала. Подобное утверждение устойчиво прослеживается в экспедиционных записях фольклористов, произведенных на территории проживания хори-бурят в Бурятии и Агинском национальном округе. Этот факт подтверждает и монгольский хори-бурят Ж. Бадамдаш в предисловии к составленному им сборнику: «Исполнение ёхорных песен и танца распространилось в начале XX в. от северной Хори до агинских богатых степных просторов от бурят эхиритского и булагатского родов, чтобы избавиться от усталости в коленных суставах, танцуя, изгибаясь-извиваясь» [Бадамдаш 1998, 10] (перевод наш. — Б.-Х. Ц.). И не без оснований Д.-Н. С. Дугаров относит их к разделу современных песенных жанров [Дугаров 1964, 10]. Следует подчеркнуть, что исполнение ёхора, набравшее обороты в конце 1920-х — начале 1930-х гг., бытует активно в наши дни и в России, и в Монголии, наполняясь песнями, тексты которых могут сочиняться спонтанно, неожиданно и ассоциативно, наряду с

устоявшимися традиционными *ёхорными* словами.

Тематический диапазон лирических песен, общих для традиции и монгольских, и российских хори-бурят, чрезвычайно обширный. В них наиболее ярко представлен внутренний мир человека, его эмоции и личные переживания, имеющие отношение не только к чему-то глубоко личному, индивидуальному, но и выражающие реакцию на события окружающей реальности. В его состав мы включили бы и обычные (Дугаров), и исторические, бытовые, лирические (Дарижапова, Батцэрэн), и философские, любовные, грустные, шуточные (Батцэрэн) песни.

Характерную черту старинных бурятских лирических песен, наиболее популярных в репертуаре хори-бурят по обе стороны границы, составляет тема почитания своих родителей за правильное воспитание, нравственные уроки, физическое здоровье; и пожелания обеспечить им достойную старость, т. е. ведущими мотивами в них выступают отчий дом, семья, родной очаг. К примеру, следующие песни:

*Хариха шубуунай ундалмаархан
Харзын уһан һайхан юм.
Харижал гэртээ ошоходом,
Хайратай абамни һайхан юм.
Бусаха шубуунай ундалмаархан
Булагай уһан һайхан юм.
Бусажал гэртээ ошоходом,
Буурал эжымни һайхан юм
(Для утоления жажды возвратившихся
птиц*

Прекрасна вода из полыньи.
Когда я приезжаю домой,
Дороже родного отца нет <никого>.
Для утоления жажды вернувшихся птиц
Прекрасна вода из родника.
Когда я возвращаюсь домой,
Дороже родной матери нет <никого>)
[ОАФ ЦВРК ИМБТ. Инв. № 2295/в]¹.

*Аба эжын аша
(Заслуга отца и матери)
Мухаридагхан тэргэымни
Модон голойн хүшэн лэ.*

¹ Здесь и далее перевод автора статьи.

Монсолзодог бээймни
Аба эжын хүшэн лэ
(У катящейся моей телеги
Сила в ее деревянной оси.
Тело мое, пышущее здоровьем,
Это заслуга отца и матери)
[ОАФ ЦВРК ИМБТ. Инв. № 23446].

Любовная лирика составляет наибольший пласт бурятской национальной песни. В ней встречается широкая гамма чувств от ярких красок счастья до мрачных оттенков печали, большей частью разрабатываются мотивы душевного состояния влюбленных: мечта о скорой встрече с избранником; сердечные томления о милом друге; воспевание образа любимого человека; грустные нотки расставания и многое другое. Как, например, в одной из песен ожидание встречи с любимым человеком выражается так:

Хадын харгы зурана-зурына,
Хазаартым хүлхэн дуһална-дуһална.
Ханилсан шамайгаа хүлээнэб-хүлээнэб,
Харахан зүрхэмни тэснэгүй, тэснэгүй
(Тянется-тянется горная дорога,
Течет-течет пот с моего верхового коня.
Жду, не дождусь тебя, мой
возлюбленный(ая),
Истомилось-истосковалось сердце мое
красное)
[ОАФ ЦВРК ИМБТ. Инв. № 23446].

Есть песни, в которых доминируют философские размышления о скоротечности времени, беспечности юных лет, горячности, безрассудстве в поступках молодых людей, сожаления о быстро уходящей молодости, желательном счастье на старости лет. К примеру, одна из них:

Огторгой харахадам, холо шэндил аад,
Орохо бороонинь түргэн бэ?
Оршолон ханахада, холо шэндил аад,
Ошохо наһанинь түргэн бэ?
(Хоть и кажется далеким небо, когда
всматриваюсь <в него>,
Но от чего же так быстро пошел дождь?)

Хоть и кажется длинным <течение/ход>
бренного мира,
Но почему же так быстро умчались
текущие лета?)
[ОАФ ЦВРК ИМБТ. Инв. № 2295/в].

Существует группа песен, в которых превалируют мотив-наказ (смолоду беречь свою честь и не срамить свое имя), мотив-просьба (передать горячий привет объекту чувственных влечений от исполнителя песни), мотив-предостережение (не допускать просчеты, промахи из-за своей самоуверенности):

Алтанхан дэлхэйн ташаланда
Ардагайнгаа турууе дүмэд гээрэй.
Арадхан зонойнгоо дундахана
Арюухан нэрээ бодод гээрэй
(На склонах золотистой земли
Побереги копыта своего необъезженного
коня.

Живя с народом и среди людей,
Дорожи своим незапятнанным именем)
[ОАФ ЦВРК ИМБТ. Инв. № 2295/в].

Заклучая, подчеркнем, что выше-рассмотренные песни, записанные в период монгольской экспедиции сотрудниками БИОНа в конце 1970-х — начале 1980-х гг., свидетельствуют об устойчивости смысловой доминанты традиционного народного пения, общей с материнской хори-бурятской песенной культурой.

Сохранность песенного фольклора хори-бурят в локальной традиции бурят Монголии показывают и старинные бурятские песни, основанные на мотивах восхваления коня как драгоценности (*морин эрдэни*), родины с чистым воздухом (*аглаг найхан нютаг*), родных краев, мест с горами и прозрачными реками (*уула, уһатай газар орон*), золотого солнца (*алтан наран*), серебряной луны (*мунгэн нара*). То есть величальные мотивы красоты окружающей природы, важности для жизнедеятельности человека небесных объектов, а также незаменимости верного спутника кочевника (коня) составляют общий значимый элемент структуры традиционного хори-бурятского песенного жанра.

Особняком стоят религиозные песни о наиболее почитаемых божествах буддийского пантеона; о значении и величии культовых объектов поклонения — дацанов; о заслугах представителей ламаистского духовенства. Содержание культовых песен, общих для монгольских и российских хори-бурят, составляют описание внутреннего и внешнего убранства Агинского дацана, святость нахождения в дацане священных буддийских писаний «Ганжура» и «Данжура», воспевание деяний отдельных служителей культа. Существуют песни-восхваления Шакьямуни, Зонкапы, Зеленой Тары, Авалокитешвары, обеспечивающих благость живых существ.

В песенном репертуаре бурятских переселенцев, наряду с записями старинных бурятских лирических, ёхорных и обрядовых песен, немало песен, ярко иллюстрирующих интерес мигрантов к событиям страны исхода. Несмотря на то что новое время скорректировало песенный репертуар монгольских хори-бурят, многие старинные песни наполняются словами, ориентированными на текущие события и злобу дня: «...тексты песен могут и должны способствовать постижению реалий мира — художественно осмысленных, преломленных во внутреннем мире произведения, но существенно помогающих и в осмыслении действительности во многих ее проявлениях» [Жукова, Потёмкина 2024, 7]. Так, по свидетельству исполнителя народных песен из сомона Баян уул Дорнодского аймака Монголии Б. Доржооханды, у них «большой популярностью пользуются песни о Ленине, Ворошилове, партии» [ОАФ ЦВРК ИМБТ. Инв. № 2295/а]. Из оригинальных песен на «современные» темы представляет интерес песня, записанная в экспедиции 1977 г., о полете в космос Юрия Гагарина и Германа Титова:

*Огторгой уудамхан гэшиэмнай
Олиггүй холо гэдэг аад,
Орожо ерэхэ харгы замые
Орёжо негэн Юрий Гагарин.
Замбуулин дайда гэшиэмнай
Захагүй үргэн гэдэг аад,
Зүбэлэтын хүлэг «Востоогоороо»*

*Жолоодон тойроһон Герман Титов
(Широкое наше небо, хоть и
Говорят, бесконечно далеко,
Путь-дорогу отправиться <туда>
и долететь <до него>
Открыл Юрий Гагарин, пролетевший
<сквозь него>.*

*Вселенная, мироздание наше, хоть и
Говорят, бескрайние,
На своем «Востоке» — советском скакуне
Облетел Герман Титов, управлявший им)
[ОАФ ЦВРК ИМБТ. Инв. № 2295/а].*

Носители фольклора создают новые песни на основе старинных, не прерывая песенную традицию, как, например, в песне «1941 он» (Год 1941), в которой выражается уверенность в нерушимости СССР после вторжения фашистов. В этом плане мнение исследователей музыкально-поэтического творчества заключается в следующем: «...если песня отражает глубинные чувства тех, кто ее слышит, она передается из уст в уста, дополняется и подправляется, иногда значительно видоизменяясь» [Хорло 1989, 11].

Народные певцы, создавая новые песни, очень «часто использовали напевы старых дореволюционных песен» [Дугаров 1964, 24]. Это можно продемонстрировать на примере песни:

*Шэлдэг арюун амьдаралаа
Шэнэйшэлэн зохёе хоюулаа
Шэнэхэн үйлдэбэрийн нэгэдэлдээ
Шэлжэжэл ороёл даа хоюулаа.
Элбэг амьдаралтай нэгэдэлдээ
Элсэн ороёл даа хоюулаа.
Эриэмтэй хүдэлмэрийн бүтөөлдэ
Эгэл олондоо зориулаа даа
(Лучшие, светлые годы своей жизни
Построим вместе, обновив ее.
С новым совместным хозяйством
Сплотимся, вступив в него вместе.
С хозяйством зажиточным,
обеспеченным
Объединимся, вступив в него
вместе.
Усиленную энергичную работу
Посвятим во благо всех людей)
[ОАФ ЦВРК ИМБТ. Инв. № 2295/в].*

Итак, песни, проанализированные выше, демонстрируют адаптацию исполнителями народных песен к современным социокультурным условиям, умение народных певцов реагировать на темы, вызывающие общественный интерес. Это показатель живого процесса обновления и преобразования форм песенной культуры в соответствии с вызовами действительности. Наблюдается трансформация фольклорной традиции не только как факт исторической памяти, фиксирующей эмоционально-яркие события, но и как инструмент трансляции символических смыслов, сложившихся в новое время.

К самобытным песням локальной группы монгольских хори-бурят участники экспедиции 1977 г. в МНР относят песню «Биндаряя», которая появилась после их переселения [ОАФ ЦВРК ИМБТ. Инв. № 2244/а]. Она является своего рода гимном хори-бурят, обжившихся на северо-востоке Монголии. Исполнитель этой песни рассказал и историю ее создания: «Когда мы прибыли в 1919 г. на монгольскую территорию и обосновались в местности *Хүбишын Хушуун* Цэцэнханского аймака, вначале поклонялись *Хүбишын Хушууну* и совершали обряд обоо вместе с халха-монголами. Однако в 1923 г. договорились, что будем проводить обряд поклонения порознь, и буряты стали поклоняться горе *Биндаряя*, находящейся вдоль реки *Сүүхэ*. Затем группа мужчин, в основном пожилого возраста, из них только трое были молодые ребята, сочинили песню-восхваление об этой горе» (Зап. от Бадмын Дондока, 1899 г. р., урож. Батшэрээт, Хэнтэйский аймак, Монголия. Соб. Е. В. Баранникова. 1977 г.) [ОАФ ЦВРК ИМБТ. Инв. № 2295/1] (перевод наш. — Б.-Х. Ц.). Она носит величальный характер: восхваляется красота почитаемого объекта, окруженного лесами и возносится хвала буддийским божествам Абиде, Шакьямуни, Отошо, охраняющим благополучие живых существ. Приведенный пример, тесно связанный с последствиями миграционного процесса, дает основание заключить, что с изменением ценностных ориентиров носителей фольклора

в песенном репертуаре монгольских бурят появляются новые сюжеты.

Обращение к архивным документам, где хранятся экспедиционные материалы, собранные фольклористами Института языка и литературы Академии наук Монголии в бурятских сомонах в 1960-х гг., показало неоднозначную ситуацию с традиционным фольклором бурят тех лет в целом и песенной культурой в частности. С одной стороны, записи того периода показывают, что наиболее частотными являются традиционные песни-заклинания — приучения животного к детенышу, восхваления *маг-талы* коню, победителям в состязаниях по борьбе, стрельбе из лука.

В то же время характерны элементы сужения репертуара бурятских народных песен и включенность исполнительской культуры бурят в халха-монгольскую песенную традицию. Подобную трансформацию мы можем объяснить объективными факторами, прежде всего общественно-политическими реалиями первой половины XX в., сложившимися в Монголии: «Проведенные руководством страны в начале 1930-х гг. “чистки” в рядах не только партийных деятелей Монголии, но и простых граждан-бурят, “предавших” Страну Советов своим бегством в соседнюю страну в пред- и послереволюционные годы, привели к тому, что буряты перестали признаваться в своей этнической принадлежности, носить национальную одежду, употреблять родной язык в общественных местах. Истребление бурятских мужчин вызвало значительный рост халха-бурятских браков, что в результате привело к ускоренной ассимиляции» [Ванчикова, Ринчинова 2012, 170]. Последствия масштабных репрессий сказались не только на особенностях политико-экономической ситуации в бурятской диаспоре, но и на некотором «расшатывании» фольклорных традиций исторической родины, в том числе песенной культуры. Немаловажную роль сыграли также принадлежность бурят и монголов к единому этнокультурному пространству и их языковое родство, приведшие «к усилению языковой и этнической ассимиляции» бурят Монголии [Бурятский язык 2020, 23].

ВЫВОДЫ

Привезенные из мест исхода аутентичные народные песни хори-бурят, в которых отражается историческая память (факты из прошлой общей истории), менталитет, характер, обычаи и религия, показали устойчивость их бытования в среде мигрантов, что, в свою очередь, свидетельствует о преемственности традиции. Локальная этническая группа бурят, попав в чужое окружение, поддерживала таким образом связь с метрополией, продиктованную самосохранением и консервацией своих культурных особенностей.

Такие факторы, как изменчивость и обновление песенного репертуара бурят, обусловлены ускорением социокультур-

ных процессов в Монголии, приведших к неизбежным новациям в тематике народных песен и пополнению исполнительского арсенала.

Постепенная адаптация носителей фольклорной культуры к новой среде обитания повлияла на возникновение сюжетов песен, априори не характерных для материнской традиции. Кроме того, непростые исторические реалии МНР начала — середины прошлого столетия, в которых оказались монгольские буряты, существенно повлияли на вовлеченность их в общемонгольскую культурную общность, взаимопроникновение фольклора окружения и переселенческого населения.

Источники и материалы

Бадамдаш 1998 — Буриад арадай дуун (Бурятские народные песни) / Эмхэтгэсэн Шарайд Жамбалын Бадамдаш (Сост. Ш. Ж. Бадамдаш). Улаанбаатар, 1998.

Батцэрэн 2020 — *Батцэрэн Х. Ш. Г. Буриад арадай дуун* (Бурятские народные песни). Улаанбаатар, 2020.

Дугаров 1964 — *Дугаров Д. С. Бурятские народные песни. Т. I: Песни хори-бурят*. Улан-Удэ: Ротапринтный цех БКНИИ СО АН СССР, 1964.

ОАФ ЦВРК ИМБТ — Общий архивный фонд Центра восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН.

Исследования

Базаров, Дампилова, Цыбикова 2010 — *Базаров Б. В., Дампилова Л. С., Цыбикова Б.-Х. Б. Протяжные песни в монголызычном пространстве // Протяжные песни монгольских народов: Сб. науч. ст. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2010. С. 3–12.*

Бардаханова 1992 — *Бардаханова С. С. Система жанров бурятского фольклора*. Новосибирск: Наука, 1992.

Бурятский язык 2020 — *Бурятский язык в регионах России, Монголии и Китая: состояние,*

проблемы, факторы сохранения и развития. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. госун-та, 2020.

Ванчикова, Ринчинова 2012 — *Ванчикова Ц. П., Ринчинова О. С. «Дело Лхумбэ»: репрессии против бурят в Монголии // Вестник ВСГУТУ. 2012. № 4 (39). С. 166–171.*

Дарижапова 2010 — *Дарижапова О. Ш. Традиции и инновации песенной культуры хори-бурят: историко-искусствоведческий аспект: Автореф. дис. ... канд. искусствоведения: 17.00.09. Владивосток, 2010.*

Жукова, Потёмкина 2024 — *Жукова А. А., Потёмкина Е. В. Концепты русской песенной традиции: от романса до рэпа. М.: МАКС Пресс, 2024.*

Кульганек 2001 — *Кульганек И. В. Мир монгольской народной песни*. СПб.: Петерб. востоковедение, 2001.

Хорло 1989 — *Хорло П. Народная песенная поэзия монголов: (Проблема жанрового состава)*. Новосибирск: Наука, 1989.

Цыбикова 2016 — *Цыбикова Б.-Х. Б. Фольклор шэнэхэнских бурят. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2016.*

Шаракшинова 1973 — *Шаракшинова Н. О. Лирические песни бурят. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1973.*

© Б.-Х. Б. Цыбикова, 2025

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Цыбикова Б.-Х. Б. <https://orcid.org/0000-0003-3672-1566>

Кандидат филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН: Российская Федерация, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, д. 6; тел.: +7 (3012) 43-35-51; e-mail: bch58@yandex.ru

The Song Culture of the Mongolian Khori-Buryats: The Continuity of Tradition

Badma-Khanda B. Tsybikova

(Institute of Mongolian Studies, Buddhology and Tibetology, Siberian Branch,
Russian Academy of Sciences: 6, Sakhyanova str., Ulan-Ude, 670047, Russian Federation)

Summary. *This article presents a comparative analysis of the verbal component of the folksong heritage of the Khori-Buryats of Russia and Mongolia. It attempts to show the endurance of the local song tradition among immigrants to Mongolia using a structural-typological description. Defining the common sources and continuity of tradition of the Khori-Buryat folksong is relevant for establishing its common Buryat structure-forming elements. It is also relevant to identify the key motifs expressed in the figurative and symbolically rich song lyrics that reflect the mentality of the people, their history, beliefs and culture. The verbal component of the folk song is undoubtedly associated with the folklore tradition, which is characterized by the oral transmission of social and spiritual information with appropriate types of variation, leaving space for improvisation. The structure of the text includes elements that determine the semantic organization of the work, its composition, theme, and ideas. Based on the semantic content of the folk song, the research proposes its own classification of the song poetry of the Mongolian Khori-Buryats. (While the folksong is a synthetic genre that includes both music and words, the article does not touch upon such important aspects of folksongs as melodic structure, rhythmic organization, musical style, etc.) The article concludes that folksongs constitute a common cultural component of the folklore heritage of the Buryats of both Russia and Mongolia.*

Key words: song folklore of the Mongolian Khori-Buryats, semantic content of folk songs, sustainability of tradition.

Acknowledgements. *The research was carried out within the state project “Russia, Mongolia and China: Historical Experience of Cross-Border Interaction, Economic Priorities and Socio-Cultural Communications,” No. 125091010220-3.*

Received: September 16, 2025

Date of publication: December 25, 2025.

For citation: Tsybikova B. B.-Kh. The Song Culture of the Mongolian Khori-Buryats: The Continuity of Tradition. *Traditional Culture*. 2025. Vol. 26. No. 4. Pp. 99–110. In Russian.

DOI: <https://doi.org/10.26158/TK.2025.26.4.008>

References

Badaraev D. D. (ed.) (2010) Buryatskii yazyk v regionakh Rossii, Mongolii i Kitaya: sostoyanie, problemy, faktory sokhraneniya i razvitiya [The Buryat Language in the Regions of Russia, Mongolia and China: Current Status, Problems, Factors of Preservation and Development]. Ulan-Udeh: Izd-vo Buryatskogo gosuniversiteta. In Russian.

Bardakhanova S. S. (1992) Sistema zhanrov buryatskogo fol'klora [The System of Genres of Buryat Folklore]. Novosibirsk: Nauka. In Russian.

Bazarov B. V., Dampilova L. S., Tsybikova B.-Kh. B. (2010) Prot'yazhnye pesni v mongolozazychnom prostranstve [Drawn-Out Songs in Mongolian Cultural Space]. In: Prot'yazhnye pesni mongol'skikh narodov [Drawn-Out Songs of the Mongolian Peoples]. Ulan-Udeh: Izd-vo BNTS SO RAN. Pp. 3–12. In Russian.

Darizhapova O. Sh. (2010) Traditsii i innovatsii pesennoi kul'tury khori-buryat: istoriko-iskusstvovedcheskii aspekt [Traditions and Innovations of the Song Culture of the Khori-Buryats: Historical and Art Historical Aspects]. PhD abstract. Vladivostok. In Russian.

Khorlo P. (1989) Narodnaya pesennaya poeziya mongolov (Problema zhanrovogo sostava) [Folk Song Poetry of the Mongols (The Problem of its Generic Composition)]. Novosibirsk: Nauka. In Russian.

Kul'ganek I. V. (2001) Mir mongol'skoi narodnoi pesni [The Word of Mongolian Folk Songs]. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie. In Russian.

Sharakhshinova N. O. (1973) Liricheskie pesni buryat [Lyrical Songs of the Buryats]. Irkutsk: Vost.-Sib. kn. izd-vo In Russian.

Tsybikova B.-Kh. B. (2016) Fol'klor shehnekhenskikh buryat [Folklore of the Shenekhen Buryats]. Ulan-Udeh: Izd-vo BNTS SO RAN. In Buryat-Russian.

Vanchikova Ts. P., Rinchinova O. S. (2012) «Delo Lkhumbеh»: repressii protiv buryat v Mongolii. [The “Lkhumbе Case”: Repressions Against Buryats in Mongolia]. *Vestnik VSGUTU*

[VSGUTU Bulletin]. 2012. No. 4 (39). Pp. 166–171. In Russian.

Zhukova A. A., Potemkina E. V. (2024) Kontsepty russkoi pesennoi traditsii: ot romansa do repa [Concepts of the Russian Song Tradition: from Romance to Rap]. Moscow: MAKS Press. In Russian.

© B.-Kh. B. Tsybikova, 2025

ABOUT THE AUTHOR

Tsybikova B.-Kh. B. <https://orcid.org/0000-0003-3672-1566>

E-mail: bch58@yandex.ru

Tel.: +7 (3012) 43-35-51

6, Sakhyanova str., Ulan-Ude, Buryatia, 670047, Russian Federation

PhD in Philology, Leading Researcher, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY4.0)